

В.В. Цысь

О причинах Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года¹⁴

Аннотация. В статье рассмотрены причины Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. – крупнейшего вооруженного антибольшевистского выступления за всю историю существования Советской России, СССР. Особое внимание обращается на факторы, обусловившие рост недовольства населения на Севере Западной Сибири.

Среди них выделены: злоупотребления при проведении продовольственной разверстки, привлечении местных жителей к трудовой повинности; бессистемность разверсток и повинностей; слабость органов местного управления на всех уровнях, из-за чего наблюдалась рассогласованность действий различных государственных учреждений, занимавшихся осуществлением политики военного коммунизма; столкновение общественных настроений, ожиданий, представлений о перспективах развития страны, предопределивших действия конкретных людей в определенных ситуациях, завышенные ожидания представителей власти, наиболее активной части коммунистов о возможностях и перспективах скорейшего перехода к безрыночному обществу, порождавшие насилие в отношении классово и идеологически чуждых слоев общества; непонимание руководителями различных уровней местной специфики, высокомерное, пренебрежительное отношение к «несознательным» северянам; «пограничное» положение Тюменской губернии между Уралом и Сибирью, вызванное, в том числе, слабостью местных военных сил, которые оказались не в состоянии быстро погасить локальные вспышки народного недовольства.

Ключевые слова: крестьянское восстание, Западная Сибирь, предпосылки, Тюменская губерния, военный коммунизм, трудовая повинность, продразверстка, общественные настроения.

V.V. Tsys

About the reasons of the West Siberian Peasant Rebellion in 1921

Abstract. The article considers the reasons of the West Siberian Peasant Rebellion in 1921 – the largest armed anti-Bolshevik action in the history of existence of the Soviet Union. Special attention is drawn to the factors that led to the growing discontent of the population in the North of Western Siberia.

The following factors have been defined: abuses during the prodrazvyorstka and involvement of local citizens to labor duty; the unsystematic nature of the prodrazvyorstka and duties; incompetence of local governments at all levels was the cause of inconsistency of actions of different government structures which were engaged in the implementation of the policy of War communism; the conflict of public moods, expectations, views on the prospects of development of the state which determined the actions of the concrete persons in certain situations; inflated expectations of the authorities and the most active part of the Communists of the possibilities and prospects for a speedy transition to the non-market society which gave rise to violence against the class and ideologically alien to sectors of society; generating violence against the class and ideological alien segments of society; misunderstanding by managers of different levels of local specificity; arrogant and disdainful attitude to the «ignorant» northerners; «frontier» location of Tyumen Province between the Urals and Siberia, caused, in particular, by the weakness of the local military forces which were not able to rapidly crush popular resentment.

Key words: Peasant Rebellion, Western Siberia, prerequisites, Tyumen Province, War communism, labor duty, prodrazvyorstka, public moods.

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 17-11-86001.

Причины крупнейшего в истории Советской России и СССР антибольшевистского народного выступления привлекали внимание исследователей практически сразу же после его подавления. В советской историографии упор делался на происки внутренней «контрреволюции», а также местной специфике — высоком удельном весе кулачества, относительной зажиточности сибирского крестьянства, слабости органов советской власти. Злоупотребления продработников хотя и упоминались, но лишь в качестве дополнения к вышеназванным обстоятельствам [1].

Анализу факторов, спровоцировавших начало восстания, посвящены работы ряда современных ученых. «Первопроходец» темы с точки зрения ее переосмысления в перестроечной и постсоветской историографии К.Я. Лагунов пальму первенства отдает ошибочным, а иногда и просто преступным действиям продработников, инертности и благодушию губернского руководства, его «обюроккрачиванию». В свою очередь причины такого поведения видятся автору в следующем:

«1. Безудержный карьеризм. 2. Левацкий заскок, стремление любой ценой дожать сибирского куркуля... 3. По-барски пренебрежительное отношение к крестьянину, пренебрежение его интересами, хозяйской психологией и человеческим достоинством. 4. Намеренное натравливание сибирского крестьянина на Советскую власть. Сознательная провокация мятежа» [2, 54].

Не возражая в принципе против подобных оценок (за исключением последнего, четвертого пункта) В.И. Шишкин их скорректировал с помощью соответствующей лексики и научных обобщений: «Недовольство населения политикой центральных и местных, прежде всего губернских, властей (продразверстками, мобилизациями и трудовыми повинностями), не считавшихся с реальными интересами и объективными возможностями крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики, злоупотреблениями и преступлениями сотрудников продовольственных органов» [3, 121]. В целом аналогичные факторы новосибирским ученым приводятся и в других работах [4, 19].

При конкретизации указанных выводов автором обращается внимание на такие обстоятельства как наличие среди большевиков всех уровней лиц с криминальными наклонностями, карьеристов, приспособленцев, революционных фанатиков, случайных людей, неспособных, с одной стороны адекватно оценить социально-экономическую ситуацию в Тюменской губернии, с другой стороны — готовых в личных интересах или в угоду начальству поступиться и совестью, и принципами законности [4, 14–17].

В обобщающем исследовании, посвященном характеристике народных выступлений в Сибири в начале 1920-х гг., В.И. Шишкин выделяет три группы причин. К первой отнесено идейное неприятие частью сибиряков советской власти, ко второй — недовольство политикой и конкретными действиями большевиков (создание ревкомов, продразверстка, военные и трудовые мобилизации, религиозная политика), к третьей — озлобление населения злоупотреблениями и жестокостью представителей местной власти [5, 134]. Применительно к Западно-Сибирскому крестьянскому восстанию автор склоняется к выводу, что пересечение именно второй и третьей группы факторов привело к его возникновению.

Н.Г. Третьяков считал, что в основе обострения политической ситуации в Тюменской губернии лежали недовольство крестьян продразверсткой, запретом свободной торговли при неспособности властей обеспечить деревню необходимыми товарами, методы заготовок продовольствия, сопровождавшиеся массовыми репрессиями в отношении крестьянства, злоупотреблениями и преступными действиями продорганов [6, 14–15].

Несмотря на в общем то достаточно подробную проработку причин восстания, необходимо дополнить этот список, а некоторые его пункты пояснить конкретными примерами.

Основное внимание в отечественной историографии обращается на злоупотребления в ходе проведения продразверстки [См., напр.: 4, 16; 7, 61–63 и др.]. Применительно к Северу Западной Сибири об издержках при принудительном изъятии продукции сельскохозяйственного производства и промыслов говорится в докладе председателя Березовского

уездного исполкома Т.Д. Сенькина, составленном в конце января 1921 года. За отсутствием в крае хлеба, который можно было бы отобрать у населения, крайне негативную реакцию вызвало проведение мясной разверстки в форме и размерах, противоречащих здравому смыслу. Так, в конце января 1921 г. политком Кондинской продконторы издал «боевой» приказ о заготовке мяса. Если в семье из 8 человек имелось две коровы, одну следовало забить. «Самое главное, – отмечал Т.Д. Сенькин, – повлияло убой тельных коров», а таковых насчитывалось до 85%. Телиться они должны были в феврале. Местные жители просили подождать «до пароходов», ведь все равно мясо трудно будет вывезти до открытия навигации. Но уговоры не подействовали. Коров забили на глазах у обывателей, «что отразилось на нервах женщин, которые со слезами приносили жалобы» [8, 13]. Изъятие мяса привело к тому, что к февралю 1921 г. население, по словам председателя уездного исполкома, оказалось «на чае с хлебом» [8, 13 об.]. Взамен поставляемой по разверстке рыбы ожидалось поступление рыболовных снастей. Вместо этого в феврале 1921 г. на измороженных лошадях из Тобольска привезли чугунные котлы.

Кроме того, существенную роль, особенно в непроизводящих районах, к числу которых относился и Тобольский Север, играл такой фактор как бездумное, бессистемное применение принципов всеобщей трудовой повинности. Военный коммунизм предполагал всеобъемлющую глобальную перестройку производства и распределения. Хотя для достижения данной цели отсутствовали объективные возможности, это не останавливало сторонников безрыночной экономики. В соответствии с действовавшим в то время КЗоТом и другими законодательными актами собственность человека на свою способность к труду признавалась общественным достоянием. Государство, разумеется «для народного блага», использовало рабочую силу по своему усмотрению. Ее учет и распределение возлагались на специальные комитеты по проведению всеобщей трудовой повинности (комтруды).

Как отмечалось в одной из резолюций 1-го Тюменского губернского съезда советов,

«трудовая повинность является одной из основ организованного похода против разрухи и достижения экономического возрождения страны» [9, 10 об.]. Председатель Сургутского уездного исполкома Н.О. Горяев на заседании 24 января 1921 г. подчеркивал, что «трудповинность есть альфа и омега новой жизни» [10, 39]. В 1920–1921 хозяйственном году основной объем работ по трудовой повинности был связан с лесозаготовками для нужд транспорта, промышленности, государственных учреждений.

Приказом председателей губисполкома, губкомтруда, гублескома от 28 сентября 1920 г. объявляется мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 50 лет на период с 10 октября по 15 декабря 1920 г. для проведения лесозаготовительных работ [11, 19]. Комтрудам предписывалось привлечь в Тюменском уезде 40%, в Ишимском – 15%, Ялуторовском – 30%, Тобольском – 40%, Туринском – 70% трудоспособного населения. Мобилизованные должны были объединяться в «дружины» по 20–40 человек. Обеспечение инструментами возлагалось на само население. Уклоняющимся от работ грозило привлечение к ответственности «по законам военно-революционного времени вплоть до лишения свободы, конфискации имущества и инвентаря» [11, 19]. Конкретные задания давались уездам и волостям примерно на тех же принципах, что и при продовольственной разверстке.

Всего же только по 1 ноября 1920 г. в Тюменской губернии было отработано на лесозаготовках 1 027 965 рабочих дней и 1 432 496 коне-дней. По данным переписи 1920 г. в пяти южных уездах было учтено 202 796 трудоспособных мужчин [12]. Соответственно каждый из них отработал на лесозаготовках в среднем по 10 дней. Однако из этого числа необходимо вычесть освобожденных от трудовых мобилизаций: служащих государственных учреждений, рабочих промышленных предприятий и ремесленных мастерских, по одному члену семьи красноармейца и др. Поэтому фактические сроки привлечения крестьян к заготовке и вывозке были выше. Тем не менее, несмотря на грозные приказы, план на сезон 1920–1921 г. по заготовкам дров был выполнен лишь на 56,8%, др. лесоматериалов – на 37,1%, по вывозке соответственно на

32,6% и 23,8% [13, 8]. В том числе, вероятно поэтому, наряду с изъятием «излишков» продовольствия, население следовало избавлять и от «лишних» дров, как это предписывалось приказом Тюменского губисполкома от 27 октября 1920 года [11, 25].

Таким образом, трудовые мобилизации на территории Тюменской губернии не привели к таким же «успехам» в лесозаготовках, как в отношении продразверстки, как известно, выполненной на 106%. Однако игнорировать влияние указанного фактора на рост антикоммунистических настроений среди населения региона вряд ли возможно.

О некоторых обстоятельствах, которыми сопровождалось выполнение государственных заданий по лесозаготовкам, а также о связи данного вида повинности с продразверсткой можно судить по протоколу общего собрания граждан дер. Гусельниковой Троицы волости Тюменского уезда от 10 февраля 1921 года. В документе сообщалось, что крестьянами в предыдущий сезон было засеяно овсом 107 десятин земли, с которых собрали 3699 пудов (п.) овса. Из этого количества 704,5 п. сдается в разверстку, 842 п. — оставляется на семена. Однако в начале февраля 1921 г. по распоряжению губпродкома по разверстке изымается еще 1856 п. 22 фунтов. В результате жители деревни оказались совершенно лишены возможности не только выполнять задания комтруда по доставке в Тюмень 99 куб. сажени дров, но и содержать имевшихся у них 188 лошадей и 105 коров [14, 117].

На Севере Западной Сибири привлечение населения к трудовой повинности производилось как для лесозаготовок, так и транспортировки грузов. Дрова являлись основным топливом для пароходов, советских учреждений, предприятий. В сезон 1920–1921 г. гублескомом возлагается на Сургутский уезд непомерно большая дровяная разверстка – 27 тыс. погонных сажень (п. с.) – по 22 п. с. на каждого трудоспособного мужчину [15, 7 об.]. Хотя даже в прежние мирные годы объем заготовки не превышал 12–15 п. с., а в предыдущем году он составил по официальным данным 11383 п. с. В протоколе заседания Тобольского уездного комтруда от 3 февраля 1921 г. отмечалось, что все инородческое население в радиусе 100 верст от Березова

мобилизовано для вывозки дров, лошади измучены, овес не выдается; в Сургуте «все жалуются» на непосильную заготовку дров, что служит одной из причин срыва пушного промысла [16, 28].

Негативную реакцию населения вызывали не только злоупотребления представителей власти, но и *бессистемность разверсток и повинностей*, отсутствие логики в их проведении, которую крестьянин бы смог понять.

В декабре 1920 г. особоуполномоченный по продразверстке в Пресногорьковском районе, член уисполкома М. Басков (весной 1921 г. исполнял обязанности председателя Акмолинского губисполкома) в докладе Петропавловскому уисполкому сообщал:

«Крестьяне, например, прекрасно знают, что на деревни в 100 дворов Курганского уезда, где население зажиточное, наложено 10–12 тыс. пудов, а на таковую же деревню Петропавловского уезда уже не менее 25–30 тыс. пуд. Второе – некоторые разверстки наложены слишком поздно... А самое главное, при разверстке не учитывалось, чем данный район более богат, чем другой, и наоборот... Все эти мелочи создают на месте всевозможные трения и недоразумения между агентами продорганов и населением, вызывают недоверие, а иногда и создают конфликты, чем, естественно, тормозится работа, а главное создает у населения впечатление, что разверстка налагается не Соввластью, а что каким-то отдельным агентом продоргана или комиссаром по личному его усмотрению, а может, и по злобе за что-либо. Вот в этом-то разубедить очень трудно...» [17, 24–25].

В телеграмме председателя Ялуторовского уездного комтруда от 18 января 1921 г. сообщалось, что «несмотря на неоднократные распоряжения», мандаты на право проведения трудовых мобилизаций выдаются лицами, не имеющими на то полномочий: продкомиссаром, заведующим отделом управления, сами же мобилизации производятся «с помощью вооруженной силы» в нарушение КЗоТ [18, 32].

На одном из заседаний Тюменского губкомтруда в начале 1921 г. прозвучало обращение к губпродкому требование «прекратить самовольные мобилизации», снятие продотрядами с лесозаготовок гужевой силы для собственных нужд [19, 14–16].

Такие же непродуманные хаотичные действия были характерны и для Севера Западной Сибири. Теоретически предполагалось, что каждый трудоспособный гражданин получит трудовую карточку. Выполнив определенный объем работы, он в дальнейшем освобождался от мобилизаций. Но на практике в данном вопросе наблюдалась полная неразбериха, отсутствие разумной меры. На одном из заседаний Сургутского уездного исполкома отмечалось: «Все инструкторы заявляют, что именно их разверстка самая важная, поэтому население не знает – бить пушнину, ловить рыбу или заготавливать дрова» [10, 41]. Так, 24 января 1921 г. уисполком принимает решение мобилизовать для вывозки рыбы всех мужчин Тундринской и Локосовской волостей, имевших 3 и более лошадей. В этот же день поступила телеграмма от губпродкомиссара с требованием «в боевом порядке мобилизовать нужное количество лошадей для отправки рыбы из Сургута до Тобольска» [10, 39–40]. Одновременно объявляется «неделя дров». Население постоянно привлекалось к так называемой «советской гоньбе» – перевозке многочисленных инспекторов, контролеров, курьеров и т. п. По свидетельству заведующего уездным транспортно-материальным отделом из-за большого количества проезжающих «обывательская гоньба... в корень подрывает экономическую жизнь уезда», т. к. не будет времени заниматься своими повседневными делами [20, 3 об.]. Несколько дней спустя объявляется повторная мобилизация в Локосовской волости для доставки 2 тыс. пудов муки в Ларьякскую волость. Ямщики Ново-Никольской и Лумпокольской волостей направляются с грузами в Томск. В первых числах февраля 1921 г. в Сургут приезжает член райпродколлегии Писарев и требует выделить еще 70 подвод для вывоза рыбы и пушнины. Причем маршрут движения был губернскими властями удлинен. Если первоначально сургутяне свозили рыбу в с. Реполово, то позднее обязали доставлять ее непосредственно в Тобольск. Всего за январь – февраль 1921 г. было привлечено к работам по трудовой повинности 1222 мужчин, 1208 подвод, 364 олени упряжки. Из них на лесозаготовках по заданиям гублескома было

занято около 100 мужчин и 142 подводы. Только за январь перевезли 16351 пуд продовольственных грузов. Тем не менее, еще около 8 тысяч пудов рыбы все еще оставалось на складах [21, 41].

Важно подчеркнуть, что, хотя идея всеобщего учета и контроля была краеугольным камнем военного коммунизма, планомерности в применении массовой организованной рабочей силы и выполнении государственных заданий достичь не удалось. Между продорганами и комтрудами наблюдалась постоянная конкуренция за право использования рабочей и гужевой силы, что создавало дополнительную нагрузку на и без того истощенное крестьянское хозяйство.

Еще одна возможная причина сложной ситуации в крае – «пограничное» положение Тюменской губернии между Уралом и Сибирью. Подчинение Зауралья долгое время оспаривалось двумя региональными управленческими структурами – Сибревкомом (Омск) и Советом 1-й Революционной армии труда (РАТ) (Екатеринбург). Номинально Зауралье входило в сферу компетенции 1-й РАТ. Из Екатеринбурга поступали распоряжения о проведении трудовых мобилизаций и разверсток. Совтрударму подчинялись и структуры, отвечавшие за проведение политики военного коммунизма, включая комтруды и продкомы. Одновременно губерния была включена в состав Западно-Сибирского военного округа. Соответственно части Красной армии находились в ведении Омска. В том числе и поэтому впоследствии руководство подавлением восстания возлагалось на помглавкома по Сибири В.И. Шорина.

Дислоцировавшиеся в Тюменской губернии воинские подразделения в плане обеспечения находились в роли «пасынков» военных властей. Омск и Екатеринбург старались спихнуть друг на друга эту обременительную обязанность. В докладной записке слушателя Академии Генерального штаба Станкевича в Уралкомтруд указывалось на «очень тяжелое» положение тюменского гарнизона, который не снабжается Западно-Сибирским военным округом обмундированием [22, 62]. В то же время в телеграмме председателя Чусоснабарма¹⁵ Урала от 15 ноября 1920 г.

¹⁵ Чрезвычайный уполномоченный Совета Рабочей и Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии и Флота.

сообщалось, что т. к. Тюменская губерния находится в составе Западно-Сибирского военного округа последний и должен обеспечивать располагавшиеся на ее территории воинские части [22, 111].

Такая двойственность отражалась и на гражданских учреждениях. «Большой тормоз в работе ощущается в неопределенности положения Тюменской губернии, находящейся в административном подчинении то Сибревкома, то Совтрударма I. На местах наблюдается сильный сепаратизм, партизанщина, все делается в интересах местной колокольни, только потом доводится до сведения Губернского центра», – отмечалось в докладе председателя Тюменского губвоенревкома С.А. Новоселова перед делегатами 1-го губернского съезда советов, проходившего с 1 по 5 июня 1920 года [9, 6 об.].

Об этой же проблеме говорил на съезде и председатель губпродкома Гвиздон: «Главным образом работа тормозилась тем, что Губпродком не знал основательно – какие требования ему исполнять: Наркомпрода, Сибпродкома или I-й Трудовой армии, из которых каждый давал свои распоряжения, порой противоречащие друг другу» [9, 10 об.].

В ряде случаев губернские власти самостоятельно определяли, какие указания им следует выполнять, а какие нет. Например, на заседании Тюменского губкомтруда 5 января 1921 г. было принято решение реализовать приказ Западно-Сибирского военного округа о мобилизации квалифицированных граждан в возрасте до 50 лет, т. к. «она не принесет ущерба, а лишь пополнит специалистами наши хозяйственные учреждения» [19, 1–2].

Следует отметить, что вопрос об административной подчиненности Зауралья оставался актуальным и в дальнейшем, являясь предметом спора между Уралом и Сибирью в ходе районирования 1923–1925 гг. [См., напр.: 23 и др.]

Последствием подобной неразберихи были *слабость местных военных сил*, в том числе милиции, которая теоретически и должна была заниматься поддержанием правопорядка и борьбой с «контрреволюцией», отсутствие должного контроля за действиями учреждений низшего звена со стороны региональной власти. Так, в докладе командира 1-го пехотного Коммунистического полка (его роты были дислоцированы в уездных центрах) в Тюменский губернский комитет РКП (б) от 1 января 1921 г.

обращалось внимание на «громадное разложение коммунистических частей» [24, 2–3]. В одном из приказов отмечается «низкая боеготовность комсостава» [25, 93]. Непосредственно контактировавшие с крестьянством продовольственные отряды, которых в Тюменской губернии насчитывалось 21 [26, 16], небольшие по численности, сформированные из рабочих, а не военных, не являлись серьезной вооруженной силой, способной погасить разгоравшийся пожар восстания.

Следующий фактор относится скорее к особенностям общественных настроений периода глобальных революционных потрясений. Для части советских руководителей, коммунистов были характерны своего рода «*эсхатологические*» настроения, вера в то, что наступают «последние времена», когда будет наконец-то сброшен многовековой гнет эксплуататоров и придут дни всеобщего счастья и гармонии. Стоит лишь немного подождать выступления пролетариата на Западе, победить внутренних врагов и напярчь все силы и жизнь преобразуется чудесным образом. Так первые христиане ждали второго пришествия Иисуса и Страшного суда, так последователи культа «карго» предвкушали изобилие, которое им обеспечат далекие небесные «родственники». Однако коммунистическая религия не предполагала пассивной созерцательности, а нацеливала на активное действие для достижения воображаемого идеала.

«Республика в данный момент представляет огромный кишачий муравейник, занятый стихийной творческой работой, – сообщал делегатам 2-го Сургутского съезда советов 15 ноября 1920 г. председатель уездного исполкома Н.О. Горяев. Докладчик также указал «на безнадежное положение буржуазных правительств Запада, где пролетариат готов в ближайшее время начать Социальную революцию и свергнуть ненавистное иго капиталистов, что подтверждается многочисленными забастовочными движениями на Западе. Гибель капитализма неизбежна и дни его господства сочтены» [15, 2].

«Мы живем накануне мировой социальной революции и освобождения трудящихся всего мира от пут и бесстыдного грабительства капитала», – вторил ему Сургутский уездный военком Калашников [15, 2].

Подобного рода представления могли порождать своего рода «революционное нетерпение»,

стремление любой ценой и как можно скорее достичь желаемого, уничтожив препятствия на пути к всеобщему счастью. Такими препятствиями могли казаться «отсталость», «несознательность» сибирского крестьянства, его нежелание считаться с задачами мировой социалистической революции.

Кроме того, на руководящих постах в Тюменской губернии, в том числе и на Тобольском Севере, оказались пришлые люди, не понимающие региональной специфики, настроенные гораздо радикальнее основной массы местных уроженцев – коммунистов и советских работников. Как известно, в Сургутском уезде бразды правления с осени 1920 г. взяли в свои руки командированные из Тюмени Н.О. Горяев, А.А. Зорин, М.В. Хорохорин. Они сменили прежних выборных руководителей из числа сургутской интеллигенции. В Березовском уезде заправляли бывший ссыльный Т.Д. Сенькин, инструкторы и др. представители различных губернских учреждений – А.А. Протасов (Жизнев), В.А. Данилов, Сергеев (инструктор губкомтруда) и др.

У некоторых из них формировалось высокомерное, пренебрежительное отношение к «несознательным» северянам. Например, Т.Д. Сенькин в докладе об инспекционной поездке по Березовскому уезду, составленном 10 февраля 1921 г., называет местных учителей «маменькиными сынками», которые где могут, стараются вернуть в школу Закон Божий, утверждает, что местное население якобы привыкло жить за счет прислуги и найма рабочих на промыслы, а местная буржуазия – «свора», которая «открыто сеет свое злое семя среди темной массы», сами же «темные массы» – «вполне солидарны» с провокаторами и «свободно перешли в их лагерь» [8, 13 об. – 14 об.].

Северяне, жившие в сравнительно ограниченном мире небольших селений, были тесно связаны родственными узами и хозяйственными интересами. В отличие от них, присланные из губернского центра чиновники, готовы были «рубить с плеча» в попытках перестроить жизнь на военномундистических началах и в бескомпромиссной борьбе с теми, кто стоит на пути в светлое будущее.

Таким образом, необходимо расширить ранее выделенный отечественными исследователями список причин, обусловивших начало и разворачивание Западно-Сибирского крестьянского восстания.

К *первой* из них следует отнести слабость органов местного управления на всех уровнях – от волости до губернии. Произвол продорганов и комтрудов возник именно из-за ненадежности работы государственного аппарата, рассогласованности в работе как учреждений, входивших в систему главков, так и местных советов.

Государственная политика, проводившаяся в первые годы советской власти, была связана не только с необходимостью осуществления принципов военного коммунизма, но и с возможностью контролировать ситуацию на данной территории через эффективно функционирующие органы власти. Однако система управления находилась в стадии становления, из-за чего в ее деятельности происходили серьезные сбои, порождавшие злоупотребления, параллелизм, непродуманные, а иногда и просто абсурдные поступки отдельных должностных лиц.

В какой-то степени этим объясняется и *вторая* причина – неурегулированность административно-территориальных споров между Уралом и Сибирью, в результате чего местные военные силы, находившиеся в своеобразном двойном подчинении соседних регионов, оказались не в состоянии быстро погасить локальные вспышки народного недовольства.

Третьим фактором, способствовавшим аккумуляции народных выступлений, становится столкновение общественных настроений, ожиданий, представлений о перспективах развития страны, предопределивших действия конкретных людей в определенных ситуациях, вызывавших непримиримые ожесточенные конфликты. Революционное нетерпение наиболее политически активной и пробольшевистски настроенной части социума порождало насилие в отношении лиц, препятствовавших быстрому продвижению по пути к бесклассовому безрыночному обществу.

Литература

1. Богданов, М.А. Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. [Текст] / М.А. Богданов. – Тюмень: [б. и.], 1961. – 111 с.

2. Лагунов, К.Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. [Текст] / К.Я. Лагунов. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. – 144 с.
3. Шишкин, В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии [Текст] / В.И. Шишкин // *Acta Slavica Iaponica*. – 2000. – Т. 17. – С. 100–129.
4. Шишкин, В.И. К вопросу о причинах Западно-Сибирского восстания 1921 г. [Текст] / В.И. Шишкин // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции*. – Омск: изд-во ОмГУ, 1998. – С. 11–19.
5. Шишкин, В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. [Текст] / В.И. Шишкин // *История сталинизма: крестьянство и власть материалы международной научной конференции*. Сер. «История сталинизма» Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Государственный архив Российской Федерации. – Екатеринбург: РОССПЭН, 2011. – С. 129–142.
6. Третьяков, Н.Г. Западно-Сибирское восстание 1921 года [Текст]: автореф. дисс ... канд. ист. наук / Н. Г. Третьяков. – Новосибирск, 1994. – 22 с.
7. Лагунов, К.Я. И сильно падает снег... [Текст] / К.Я. Лагунов. – Тюмень: [б. и.], 1994. – 166 с.
8. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). – Ф. Р. – 2. – Оп. 1. – Д. 229.
9. ГАТО. – Ф. Р. – 2. – Оп. 1. – Д. 15.
10. ГАТО. – Ф. Р. – 1. – Оп. 1. – Д. 182.
11. ГАТО. – Ф. Р. – 295. – Оп. 1. – Д. 4.
12. Доклады отделов Губисполкома к 2-му Губернскому Съезду Советов Р.К. и Кр. Депутатов. – Приложение к газете «Известия Тюменско-Тобольских губернского комитета РКП(б) и губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». – 1920. – 10 декабря.
13. ГАТО. – Ф. Р. – 168. – Оп. 1. – Д. 81.
14. ГАТО. – Ф. Р. – 295. – Оп. 1. – Д. 35.
15. ГАТО. – Ф. Р. – 2. – Оп. 1. – Д. 84.
16. ГАТО. – Ф. Р. – 295. – Оп. 1. – Д. 33.
17. Логачев, В.А. «...В хлебном районе западной Сибири»: от пролетарской революции к крестьянскому мятежу [Текст] / В.А. Логачев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2011. – № 4 (16). – С. 19–28.
18. ГАТО. – Ф. Р. – 295. – Оп. 1. – Д. 36.
19. ГАТО. – Ф. Р. – 295. – Оп. 1. – Д. 43.
20. ГАТО. – Ф. Р. – 2. – Оп. 1. – Д. 60.
21. ГАТО. – Ф. Р. – 295. – Оп. 1. – Д. 32.
22. ГА ХМАО – Югры. – Ф. 424. – Оп. 3. – Д. 5.
23. Зубков, К.И. Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.). [Текст] / К.И. Зубков, И.В. Побережников. – Екатеринбург: изд-во АМБ, 2003. – 93 с.
24. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИ-ТО). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 59.
25. ГАСПИТО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 84.
26. Ермаков, И.И. Продовольственные отряды Тюменской губернии (1920–1921 гг.) [Текст] / И.И. Ермаков // *История крестьянства Урала и Сибири в годы Гражданской войны: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания (21–28 мая, 1996 г.)*. – Тюмень: [б. и.], 1996. – С. 16–18.

References

1. Bogdanov, M.A. *Razgrom Zapadno-Sibirskogo kulacko-jeserovskogo mjatezha 1921 g.* [Defeat of the West Siberian kulak and socialist-revolutionary Rebellion in 1921]. Tyumen: [w/p], 1961. 111 p.
2. Lagunov, K.Ya. *Dvadcat' pervyj: Hronika Zapadno-Sibirskogo krest'janskogo vosstaniya* [The twenty-first: Chronicles of the West Siberian Peasant Rebellion]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1991. 144 p.
3. Shishkin, V.I. *Zapadno-Sibirskij mjatezh 1921 goda: dostizheniya i iskazheniya rossijskoj istoriografii* [The West Siberian Rebellion in 1921: achievements and distortions of Russian historiography]. *Acta Slavica Iaponica* [Acta Slavica Iaponica], 2000, vol. 17, pp. 100–129.

4. Shishkin, V.I. *K voprosu o prichinah Zapadno-Sibirskogo vosstaniya 1921 g.* [To the questions of the West Siberian Rebellion in 1921]. *Sibirskaja derevnja: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitiya: Materialy Vtoroj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* [Siberian village: history, present state, prospects of development: Proceedings of the 2nd All-Russian research and practical conference]. Omsk: izd-vo OmGU Publ., 1998, pp. 11–19.

5. Shishkin, V.I. *Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krest'janstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-h gg.* [Armed resistance of the Siberian peasantry to the Communist regime in early 1920th]. *Istorija stalinizma: krest'janstvo i vlast'. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ser. «Istorija stalinizma» Upolnomochennyj po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii, Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [History of Stalinism: peasantry and power. Proceedings of international scientific conference. Series «History of Stalinism». The Commissioner for human rights in Russia, State Archives of Russian Federation]. Ekaterinburg: ROSSPJEN Publ., 2011, pp. 129–142.

6. Tretyakov, N.G. *Zapadno-Sibirskoe vosstanie 1921 goda* [The West Siberian Rebellion in 1921]. Novosibirsk, 1994. 22 p.

7. Lagunov, K.Ya. *I sil'no padaet sneg...* [It's snowing heavily...]. Tyumen: [w/p], 1994. 166 p.

8. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-2. Inv. 1. S. 229.

9. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-2. Inv. 1. S. 15.

10. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-1. Inv. 1. S. 182.

11. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 4.

12. *Doklady otdelov Gubispolkoma k 2-mu Gubernskomu Sjezdu Sovetov R.K. i Kr. Deputatov* [Reports of the divisions of the Gubernsky Executive Committee for the 2nd Congress of Soviets of Workers', Peasants' and Red Army's Deputies]. *Prilozhenie k gazete «Izvestija Tjumensko-Tobol'skih gubernskogo komiteta RKP(b) i gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochih, krest'janskich i krasnoarmejskich deputatov»* [Annex to the newspaper «Izvestia of the Tyumen-Tobolsk Gubernsky Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants' and Red Army's Deputies». 1920. December, 10.

13. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-168. Inv. 1. S. 81.

14. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 35.

15. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-2. Inv. 1. S. 84.

16. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 33.

17. Logachev, V.A. «...V hlebnom rajone zapadnoj Sibiri»: ot proletarskoj revoljucii k krest'janskomu mjatezhu [«...In the grain area of Western Siberia: from the Proletarian Revolution to the Peasant Rebellion»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, no. 4(16), pp. 19–28.

18. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 36.

19. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 43.

20. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-2. Inv. 1. S. 60.

21. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 32.

22. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. R-295. Inv. 1. S. 11.

23. Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. *Reformy administrativno-territorial'nogo ustrojstva vostochnyh rajonov Rossii (XVIII–XX vv.)* [Administrative and territorial reforms of Eastern regions of Russia (XVIII–XX)]. Ekaterinburg: iz-vo AMB Publ., 2003. 93 p.

24. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [State archive of social and political history of Tyumen Oblast]. F. 1. Inv. 2. S. 59.

25. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [State archive of social and political history of Tyumen Oblast]. F. 1. Inv. 2. S. 84.

26. Ermakov, I.I. *Prodovol'stvennye otrjady Tjumenskoj gubernii (1920–1921 gg.)* [Food groups of Tyumen Province (1920–1921)]. *Istorija krest'janstva Urala i Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny: Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 75-letiju Zapadno-Sibirskogo krest'janskogo vosstaniya (21–28 maja, 1996 g.)* [History of peasantry of the Urals and Siberia during the Civil War: Abstracts of papers of the All-Russian scientific conference devoted to the 75th anniversary of the West Siberian Peasant Rebellion (21–28 May, 1996)]. Tyumen: [w/p], 1996. pp. 16–18.